

Я вернулся. Раздавшийся в прихожей голос Юэ Чэна заставил Ху Ли подпрыгнуть от неожиданности.

Он тут же вскочил на ноги и с угодливым видом подбежал ближе, обвивая руку Юэ Чэна: — Хе-хе, вы вернулись!

Юэ Чэн с непривычки выдернул руку: они с этим человеком, который называл себя маленьким лисенком, кажется, еще не были так близко знакомы. — Э-э... что-то случилось?

— Ха-ха-ха, да что могло случиться? Ни за что, ни за то! Твое печенье, о котором ты мне говорил, такое вкусное!

— Правда? — Юэ Чэн отбросил портфель и обессиленно вошел на кухню, доставая сковороду, чтобы приготовить ужин.

Конец, полный конец! Утром он еще был полон сил и энергии, а теперь выглядит так, будто у него ужасно плохое настроение! Что делать? Неужели его разоблачили? Ху Ли тревожно похлопал Юэ Чэна по плечу: — У тебя плохое настроение?

— Нет. — Тон был до нелепости холодным. Юэ Чэн поднял взгляд на потолок, снова вспоминая насмешки людей в больнице. Говорили всякое: мол, у него всё схвачено и все связи налажены, поэтому он так легко стал ведущим хирургом и загребает кучу денег, купив пугающе дорогую однокомнатную квартиру в самом центре города. Разве он им что-то сделал? Зачем они так о нем говорят? Какие еще связи? Неужели он не мог сам, своими силами стать главным хирургом? Это что, зависть?

Хе-хе~ Ху Ли покачивался за спиной Юэ Чэна, одновременно наблюдая за его мимикой и лихорадочно соображая, какую бы отговорку придумать.

Какой же домашний мужчина просто молодец! Меньше чем за час он приготовил несколько восхитительных блюд. Каким бы плохим ни было настроение, а ужин для этого маленького лисенка всё равно придется приготовить. Ху Ли, посмотри, как же Юэ Чэн к тебе добр! Пожалуй, глядя на то, как тот уплетает еду за обе щеки, его собственный настрой тоже улучшится, верно?

Поставив еду на стол, Ху Ли поспешил занять место, с которого можно было загородить невысокий шкафчик. Взяв чашку с рисом, он уткнулся в нее и принялся за еду.

— Эй, лис, а почему ты не превратишься обратно в свою настоящую лисью форму?

— А? А... это потому, что поначалу, только попадая в мир людей, я страдал от непривычки к местной воде и почве и не мог принять человеческий облик, а теперь могу.

— Вот как? — А самому Юэ Чэну хотелось еще раз посмотреть на то, как вчера этот маленький лисенок ухитрился забавно измазать всё лицо. Ах да, точно. Из-за этого лиса он сегодня и вчера даже не позвонил матери.

Юэ Чэн поднялся с места, обошел стул Ху Ли и направился к низкому шкафу. Ху Ли мгновенно напрягся, а в голове у него зазвучали три роковых слова: всё пропало.

— Эм? А где фоторамка? — У Юэ Чэна возникло нехорошее предчувствие.

— Я... я...

— Это ты ее куда-то дел? Ну-ка, найди мне ее.

— П-простите.

— Ничего страшного, просто верни на место.

— Я... я случайно ее сжег...

Словно среди ясного неба грянул гром, Юэ Чэн замер: — Случайно... сжег?

— Ну... у меня же лисье пламя... и потом... у меня есть дурная привычка... я люблю поиграть с огнем... и тогда... и тогда...

Тишина... тишина... тишина...Юэ Чэн вошел в спальню, а затем вышел обратно.

— Пожалуй, приводить тебя сюда было ошибкой.

— Что?!

— Уходи. Судя по тому, как сильно ты не хотел идти со мной вчера, тебе лучше уйти.

Что? Неужели всё из-за какой-то сожженной фотографии? Стоило ли оно того? Ха! Да я и сам не хочу здесь оставаться! Ху Ли сердито развернулся и ушел, а его длинные рыжие волосы взметнулись в воздухе красивой волной. Будучи лисом, которого вознесли на Небесный Двор еще в детстве, он не имел понятия о родителях, не знал, как дороги были их фотографии, и тем более не догадывался, какую глубокую боль скрывали спокойные слова Юэ Чэна.

Уйти так уйти! Он распахнул дверь и без малейших колебаний шагнул за порог. Хм. С этого момента мы чужие люди, и между нами всё кончено!

Однако, стоило Ху Ли выйти на оживленную улицу, как он тут же пожалел об этом. Снующие туда-сюда прохожие, улицы в ярких огнях вывесок, какие-то странные огромные штуковины на четырех колесах, которые беспрестанно носились взад и вперед. У Ху Ли закружилась голова. Знал бы он раньше, разве не проще было просто извиниться перед Юэ Чэном? Зачем нужно было так горячиться?А что до Юэ Чэна в доме — он сидел на диване и тупо смотрел на пустой участок, где стояла фоторамка. На ней была изображена его родная мать, скончавшаяся шесть лет назад. Он берег её снимок все эти шесть лет и каждый день приветствовал мать. И всё же её случайно сожгла лисица, которую он сам же и подобрал. Каково это было? Боль в сердце? Не только. Было в этом и какое-то странное, необъяснимое разочарование.

После смерти матери отец привёл в дом мачеху. Жизнь текла своим чередом, и альбом с фотографиями матери мирно покоился в его ящике стола. Тот снимок, который так некстати сгорел, был не единственным, но самым дорогим для Юэ Чэна. И раз так, раз всё обстоит именно так...

Он закрыл глаза, чтобы отдохнуть, и перед внутренним взором снова возник тот рыжеволосый

юноша, который сегодня утром лежал нагишом рядом с его кроватью... Да уж, это было... кхм... Я ведь не гей... Заметив, что его мысли сворачивают куда-то не туда, Юэ Чэн испуганно вздрогнул.

Что за чёрт? О чём он вообще думает?! Разве сейчас, прямо сейчас он не должен быть до слёз, до безумия зол?! Но почему в голове крутится мысль, что фотография не так уж важна, а вот эта маленькая лисица — куда ценнее?!

Юэ Чэну казалось, что он близком к нервному срыву.

Что же касается Ху Ли, бродящего по улицам, то из-за своих рыжих волос и зелёных глаз он постоянно ловил на себе изумлённые и шушукающиеся взгляды прохожих. Приняв окончательное решение, он спрятался в типом переулке и снова обратился в лисицу. Прогнав какую-то испуганную кошку, которая жалась в картонной коробке и непрерывно дрожала, он с чистой совестью устроился на её месте.

Хм, тесновато, конечно. Зато не воняет, да и судя по всему, эта кошка была чистоплотной. Ну что ж, вторую ночь в мире людей он проведёт здесь.

<http://bllate.org/book/24708/2912186>